

DOI: 10.26794/2587-5671-2018-22-6-95-105

УДК 339.94(045)

JEL F02, F15, F23

Интеграционные процессы в АТР с участием Китая и позиция России

А.В. Кузнецов

Финансовый университет,

Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0003-3669-0667>

АННОТАЦИЯ

Стремительное развитие «восточноазиатских тигров» привело к беспрецедентному росту торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Основные мотивы углубления сотрудничества в АТР — кризис многосторонней торговой системы и необходимость перехода к полицентричной модели мирового устройства. Институциональной базой интеграционных процессов в АТР может стать соглашение о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП), заключение которого ожидается к концу 2018 г. АТР выступает одним из самых перспективных регионов потребления природного газа и нефти в мире. Успех интеграционных процессов в Азии в значительной степени зависит от расстановки внешнеполитических приоритетов России как ключевого геополитического игрока и производителя энергоресурсов. Цель статьи — выявление особенностей участия Китая в формировании новой модели глобальной экономики на примере создания ВРЭП и определение позиции России в отношении интеграционных процессов в АТР. Используются методы научной абстракции, сравнительного анализа и логического обобщения. Систематизированы и обобщены основные теоретические подходы к анализу роли Китая в интеграционных процессах в АТР в контексте полициклических трансформаций господствующей парадигмы глобальной экономики. Китай рассматривает США как своего главного конкурента и узурпатора глобальных ресурсов. В последние десятилетия Китай продемонстрировал неоспоримые экономические достижения, основанные на успехах проведения промышленной политики. Он возглавляет создание крупнейшего торгового блока в мире, чтобы самостоятельно определять повестку дня глобальной экономики в будущем. Однако без политической поддержки, интеллектуальных и сырьевых ресурсов России Китаю будет сложно достичь паритетного положения с Западом на мировой экономической арене. Сделан вывод о том, что России для использования преимуществ интеграционных процессов в АТР следует занимать активную позицию в организации конструктивного диалога с Китаем и другими странами АТР по многочисленным неразрешенным вопросам двустороннего и многостороннего сотрудничества. Допуск азиатских инвесторов и потребителей к российским нефтегазовым ресурсам необходимо осуществлять одновременно с включением России в региональную цепочку создания стоимости в АТР на взаимовыгодных условиях.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион; Ассоциация стран Юго-Восточной Азии; Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство; Транстихоокеанское партнерство; мегарегиональные торговые соглашения; соглашения о свободной торговле; многополярный мир; торговый баланс США с Китаем; российско-китайское сотрудничество; нефтегазовые ресурсы

Для цитирования: Кузнецов А.В. Интеграционные процессы в АТР с участием Китая и позиция России. *Финансы: теория и практика*. 2018;22(5):95-105. DOI: 10.26794/2587-5671-2018-22-6-95-105

Integration Processes in the Asia-Pacific Region with the Participation of China and the Position of Russia

A.V. Kuznetsov

Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-3669-0667>

ABSTRACT

Flourishing of the East Asian Tigers has led to unparalleled growth in trade in the Asia-Pacific region (APR). The crises of the multilateral trading system and the need to move to a polycentric model of the world order have become the pivotal motives to enhance cooperation in the Asia-Pacific region. Expected to be signed by the end of 2018, a Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) agreement can be the institutional framework for integration processes in the Asia Pacific region. The Asia-Pacific region is one of the most prospective regions in the world in terms of consuming

natural gas and oil. Successful integration processes in Asia depend significantly on the foreign policy priorities of Russia, the key geopolitical player and energy producer. The objective of the article is to reveal the nature of China's participation in building a new global economy model on the example of the RCEP as well as the position of Russia regarding the integration processes in the Asia-Pacific region. The methods of scientific abstraction, comparative analysis and logical generalization have been used. The main theoretical approaches have been systematized and summarized the analysis of the role of China in the integration processes in the Asia-Pacific region in the context of the polycyclic transformations of the global economy dominant paradigm. China regards the USA as its main competitor and the usurper of global resources. In recent decades, China has demonstrated undeniable economic achievements based on the success of the industrial policy. China is leading the creation of the world largest trade bloc to be able to determine independently the future agenda of the global economy. However, with no political support, intellectual and raw materials resources of Russia, it will be difficult for China to achieve parity with the West in the world economic arena. It has been concluded that in order to take advantage of the integration processes in the APR, Russia should take an active position in a constructive dialogue with China and other Asia-Pacific countries on numerous unresolved issues of bilateral and multilateral cooperation. Asian investors and consumers should be admitted to Russian oil and gas resources simultaneously with the introduction of Russia in the regional value chain in the Asia-Pacific region on mutually beneficial terms.

Keywords: Asia-Pacific region; Association of South East Asian Nations; Regional Comprehensive Economic Partnership; Trans-Pacific Partnership; mega-regional trade agreements; free trade agreements; multipolar world; US trade balance with China; Russia-China cooperation; oil and gas resources

For citation: Kuznetsov A.V. Integration processes in the Asia-Pacific Region with participation of China and the position of Russia. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*. (In Russ.). 2018;22(6):95-105. DOI: 10.26794/2587-5671-2018-22-6-95-105

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе мировая экономика одновременно переживает смену технологического, институционального и управленческого циклов. Взамен исчерпавшей свой потенциал либеральной экономической модели, для которой характерно перенакопление и обесценение денежного и интеллектуального капитала, устаревающие производства, безработица и усиление социальной поляризации, приходит новый мирохозяйственный уклад, в котором интересы частного бизнеса должны будут согласовываться со стратегией развития государства. Речь идет о создании так называемого интегрального строя с такими основополагающими принципами управления экономикой, как государственное регулирование и рыночная самоорганизация, объединение плана и рынка, подчинение частного бизнеса и финансового капитала интересам общества. В разных вариантах экономическая модель, нацеленная на рост общественного благосостояния, на протяжении десятилетий активно практикуется в странах — лидерах Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) — Китае, Японии, Индии, Республике Корея¹.

ПРОГРЕСС ИНТЕГРАЦИИ В АТР

Стагнация Дохийского раунда переговоров ВТО, усиливающаяся кризисогенность мировой эконо-

номики на фоне все более интенсивного участия стран АТР в международной торговле стали причиной заключения многочисленных соглашений о свободной торговле (ССТ) в азиатском регионе. При этом движущей силой региональной экономической интеграции в Азии выступает Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) [1]. В настоящее время между странами АТР заключено (находится в процессе переговоров) 249 ССТ (в действие вступило 155) и внесены предложения по заключению еще 90 соглашений. Лидерами по числу заключенных и вступивших в силу ССТ являются: Сингапур, Индия, Китай, Республика Корея и Япония (рис. 1). Примечательно, что заключению ССТ в некоторых азиатских странах предшествовал длительный период стремительного роста торговли. Так, на протяжении последних шести десятилетий среднегодовые темпы прироста экспорта в Республике Корея составляли 21% [2, с. 141].

Заключение двухсторонних и региональных ССТ в Азии приближают регион к формированию полноценного экономического союза. Результаты расчетов моделей общего равновесия для стран АТР показали, что азиатские экономики получают значительные выгоды от заключения блокового торгового соглашения при условии постепенного упразднения тарифных, а со временем и нетарифных ограничений торговли [3, 4].

На азиатские ССТ приходится значительная доля мирового производства, торговли и финансовых операций. Доля внутрирегиональной торговли в Азии увеличилась с 56,9% в 2015 г. до 57,3%

¹ Сайт KM.RU. Сергей Глазьев: США теряют гегемонию в мире. 24.08.2018. URL: <http://www.km.ru/economics/2018/08/23/ekonomika-i-finansy/828424-sergei-glazev-ssha-teryayut-gegemoniyu-v-mire> (дата обращения: 29.08.2018).

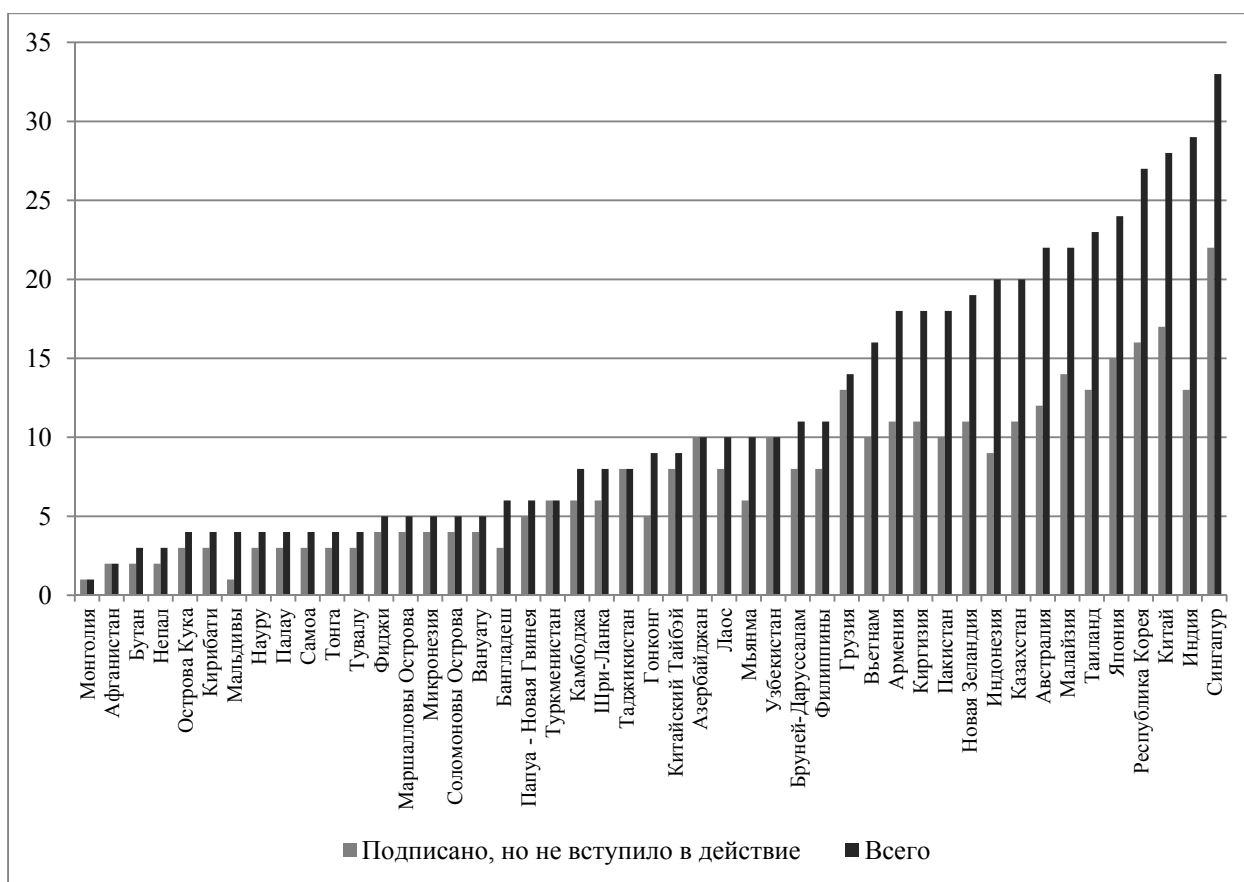

Рис. 1 / Fig. 1. Соглашения о свободной торговле стран АТР, 2017 г. / The Free Trade Agreements of the Asia-Pacific region countries, 2017

Источник / Source: составлено по данным: Asia Regional Integration Centre. Asia Development Bank. URL: <https://aric.adb.org/database/fta> (accessed 29.08.2018) / compiled according to the data from the Asia Regional Integration Centre. Asia Development Bank. URL: <https://aric.adb.org/database/fta> (accessed 29.08.2018).

в 2016 г. Внутрорегиональные прямые иностранные инвестиции (ПИИ) выросли как по абсолютной величине (с 250 млрд долл. в 2015 г. до 272 млрд долл. в 2016 г.), так и как доля в общем объеме (с 48 до 55%). Вместе с тем портфельные инвесторы из Азии продолжают инвестировать больше за пределы региона, что привело к снижению внутререгиональной инвестиционной доли внешнего долга (капитала) с 16,7% (20,0%) в 2015 г. до 15,3% (19,0%) в 2016 г. Азия является вторым по величине бенефициаром туристических поступлений после Европы. Доходы от туризма достигли 398,6 млрд долл. в 2015 г. Более 70% туристов из Азии совершали поездки в регионе (рис. 2).

КОНКУРЕНЦИЯ МЕГАРЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

Лидером интеграционных процессов в АТР является Китай, который оспаривает гегемонию США в этом регионе путем проведения последовательного курса на либерализацию торговли, подвигая

другие страны к заключению многочисленных соглашений о свободной торговле [5, с. 2]. В настоящее время уже вступили в силу ССТ КНР с такими ключевыми партнерами США, как Республика Корея, Австралия и Новая Зеландия, также ведутся переговоры с Японией и Израилем. Кроме того, заключено трехстороннее соглашение о свободной торговле между Китаем, Японией и Кореей. Помимо этого, в ноябре 2014 г. на саммите Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества Китай добился от его участников принятия дорожной карты по созданию до 2025 г. на основе всех имеющихся азиатских интеграционных инициатив Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ) [6, с. 7].

Важным этапом на пути консолидации усилий по либерализации торговли в Азии станет заключение соглашения о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП) — мегарегиональном торговом соглашении, которое объединит страны АСЕАН с Китаем, Японией, Республикой

Рис. 2 / Fig. 2. Показатели региональной интеграции в Азии, в% от общего объема (данные по 48 странам – членам Азиатского банка развития), 2016 г. / Indicators of regional integration in Asia, in% of total volume (statistics on 48 member countries of the Asian Development Bank), 2016

Источник / Source: составлено по данным: Asian Economic Integration Report 2017. Asian Development Bank; 2017. 140 p. / compiled according to the data from the Asian Economic Integration Report 2017. Asian Development Bank; 2017. 140 p.

Кореей, Индией, Австралией и Новой Зеландией. Внимание мирового сообщества к ВРЭП усилилось после того, как США вышли из Транстихоокеанского партнерства (ТТП), подписанного после нескольких лет переговоров в феврале 2016 г. и объявленного крупнейшим торговым соглашением в мире. При президенте США Б. Обаме ТТП было представлено американским союзникам как уникальная возможность захватить инициативу в АТР и предотвратить определение Китаем глобальных условий торговли.

После выхода США соглашение ТТП не вступило в силу. Однако в марте 2018 г., после того как Япония обозначилась в качестве нового лидера, оставшиеся одиннадцать стран подписали сокращенную версию ТТП, переименованного во Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве. Новая версия остается практически без изменений, но содержит список из 20 «приостановленных положений», которые были добавлены в ТТП по настоянию США и которые теперь больше не являются обязательными. Сейчас Пекин стремится использовать отказ Вашингтона от этого пакта, чтобы укрепить энтузиазм в отношении собственной сделки и усилить влияние в регионе.

Следует подчеркнуть, что ТТП и ВРЭП — это два противоборствующих мегарегиональных проекта, направленных на объединение множественных инициатив по торговому сотрудничеству в АТР. Вместе с тем данные проекты качественно различаются по своим структурам. КНР не была участником переговоров по ТТП, а США, соответственно, не

участвовали в обсуждении соглашения ВРЭП. До выхода США из ТТП в нем было только 12 стран-участниц. ВРЭП обладает большим потенциалом, в котором участвуют 16 стран, на которые приходится почти половина мирового населения (3,527 млн чел.), 31,6% мирового производства, 28,5% мировой торговли и пятая часть глобального притока прямых иностранных инвестиций в 2016 г. По паритету покупательной способности к 2020 г. совокупный объем производства азиатских стран будет вдвое превышать объем производства европейских стран и стран Северной Америки [7, с. 118]. Кроме того, во ВРЭП не представлены страны Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки, а также такие региональные объединения, как Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, МЕРКОСУР, ЕАЭС, которые также выступают перспективными членами [8, с. 19].

Относительно содержательной части проектов следует отметить, что ВРЭП концентрирует внимание на гармонизации уже подписанных региональных ССТ с акцентом на неурегулированные вопросы правил происхождения товаров и не ставит цели введения единых торговых стандартов. ТТП гораздо больше, чем ВРЭП, уделяет внимания рынку услуг, сельскому хозяйству и тарифной политике и не проводит различия между развивающимися и развитыми странами. Напротив, в принципах создания ВРЭП подчеркивается гибкость и особый, дифференцированный подход к развивающимся странам, что не исключает проведения ими про-

тектионистской политики. К тому же ВРЭП, вероятно, избежит введения единых трудовых и экологических стандартов. При разрешении спорных вопросов ВРЭП отдает предпочтение проведению консультаций, а не арбитражных процедур. Такой подход дает возможность КНР продолжать осуществлять постепенную либерализацию торговой и инвестиционной сфер [9, р. 34–37].

В противоположность этому ТТП является договором формата «ВТО плюс». Подобный формат предполагает упразднение правил происхождения товаров и таможенных пошлин, устранение барьеров в торговле услугами, получение частными компаниями широкого доступа к государственным заказам, гармонизацию международных норм и стандартов в сферах инвестиционной политики, прав интеллектуальной собственности, промышленной политики и деятельности государственных предприятий. Кроме того, договор ТТП предусматривает значительное облегчение инвестиционной деятельности для ТНК путем упразднения нетарифных, административных и бюрократических барьеров, препятствующих совершенной конкуренции [10, с. 23–24].

Предположительно, что на момент подписания ВРЭП все еще будет содержать множество положений, ограничивающих полноценную либерализацию торговли: незначительное сокращение тарифов по сравнению с большинством соглашений АСЕАН+1, ограниченный подход к либерализации сферы услуг, ограничения в инвестиционной деятельности, незначительные улучшения в правилах защиты прав интеллектуальной собственности, а также достаточно разрозненные положения об оказании помощи малым и средним предприятиям. Однако в более долгосрочной перспективе, как и в других интеграционных процессах АСЕАН, договорные положения могут быть улучшены, особенно если ТТП создаст для ВРЭП адекватную конкуренцию [11, с. 5].

ПРОДВИЖЕНИЕ ВРЭП К ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМУ ЭТАПУ

Стабильность глобальной экономики подвергается серьезным рискам односторонних (протекционистских) торговых действий, что изнуряет функционирование многосторонней торговой системы. С учетом этого 1 июля 2018 г. в Токио на 5-м Межсессионном совещании министров стран — участниц ВРЭП была признана важность скорейшего и успешного завершения переговоров по открытой и всеобъемлющей региональной экономической интеграции. 23–27 июля 2018 г. в Бангкоке (Таиланд) состоялся 23-й раунд переговоров по

ВРЭП, на котором были сняты противоречия по двум основным главам переговорного процесса — таможенным процедурам и упрощению процедур торговли и государственным закупкам.

2 августа 2018 г. премьер-министр Сингапура Ли Сянь Лунг на встрече министров иностранных дел стран АСЕАН предупредил об эскалации глобальных торговых напряжений. Его замечания появились вскоре после того, как США обострили торговый скандал с Китаем, заявив, что рассматривают возможность удвоения тарифов на ряд китайских импортных товаров на сумму 200 млрд долл. вслед за уже установленными 25%-ными тарифами на китайские товары стоимостью в 50 млрд долл. Он высказал надежду о заключении к концу года крупнейшего регионального торгового соглашения под эгидой Китая, которое может сыграть ключевую роль в ответе на протекционистскую политику Вашингтона².

ВРЭП является кульминацией трех десятилетий интеграционных усилий в Азии. Сама идея о заключении данного соглашения была озвучена АСЕАН в 2012 г., но переговоры начались только в 2013 г. при ключевой роли Китая. Следует отметить, что переговоры проходили очень сложно, что было связано с невысокими тарифными уступками со стороны Индии, которая предложила исключить только 80% тарифов на торгуемые товары по сравнению с 92% в других странах. С другой стороны, Индия настаивала на существенной либерализации временного перемещения профессиональных работников, особенно в секторе информационных технологий.

Расчеты с использованием модели общего равновесия для исследования влияния ВРЭП на экономическое благосостояние и производство в отдельных отраслях в странах АСЕАН показали, что в случае реализации соглашения ВРЭП в период 2019–2028 гг. (с последующим заключением соглашения ВРЭП+Тайвань на период с 2024 по 2033 г. и созданием Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли на период с 2028 по 2035 г.) рост благосостояния стран АСЕАН в 2034 г. будет колебаться в диапазоне от 1,6 до 3,7% ВВП [12, с. 31].

Исследования потенциального эффекта ВРЭП на прямые иностранные инвестиции с использованием инновационной модели общего равновесия показали, что ВРЭП будет иметь значительный

² Сайт The Nation. China-backed trade pact could be signed by year-end: Singapore PM. 02.08.2018. URL: <http://www.nationmultimedia.com/detail/breakingnews/30351293> (accessed 29.08.2018).

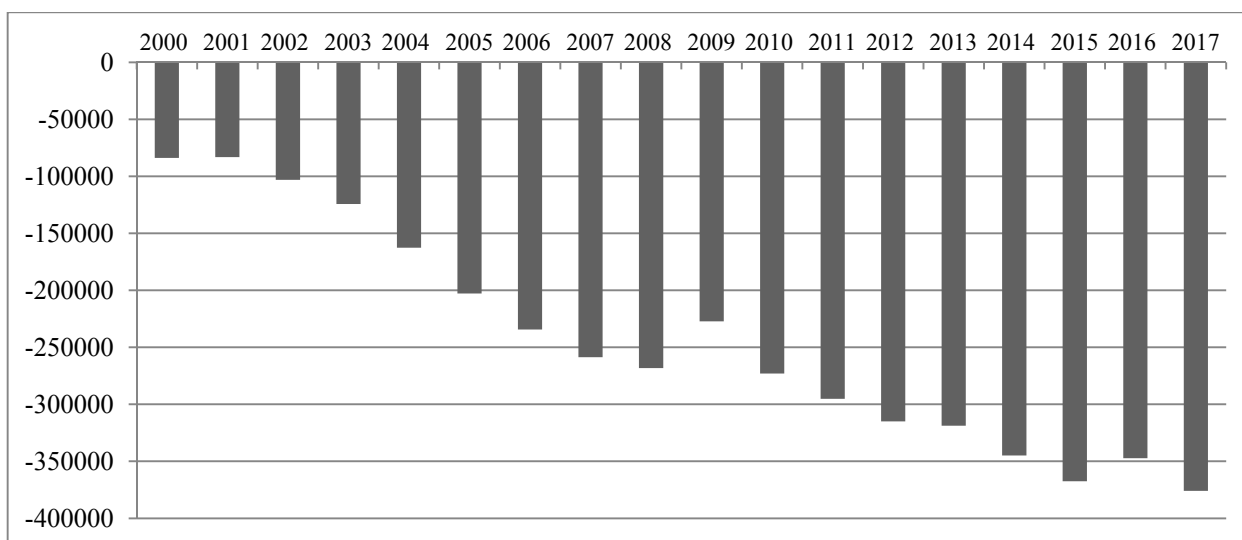

Рис. 3 / Fig. 3. Торговый баланс США с Китаем в 2000–2017 гг., млн долл. / The US trade balance with China in 2000–2017, mln. US dollars

Источник / Source: составлено по данным: Bureau of Economic Analysis. URL: <https://apps.bea.gov/iTable/iTable.cfm?isuri=1&eqid=62&step=2&0=1#isuri=1&reqid=62&step=2&0=1> (accessed 29.08.2018) / compiled according to the data from the Bureau of Economic Analysis. URL: <https://apps.bea.gov/iTable/iTable.cfm?isuri=1&reqid=62&step=2&0=1#isuri=1&reqid=62&step=2&0=1> (accessed 29.08.2018).

эффект притока ПИИ для его членов. В сценарии с либерализацией только торговли товарами ПИИ в Китай возрастут на 3,7%, а в другие страны — члены партнерства — на 3,9%. В сценарии с добавлением либерализации услуг рост ПИИ еще больше увеличится и составит более 8% для Китая. В сценарии, при котором будут сняты все ограничения торговли и иностранных инвестиций, расчетные показатели симуляции указывают на увеличение ПИИ на 13,4% в Китае и на 7,6% для остальных членов ВРЭП [13, с. 417].

Таким образом, ВРЭП открывает широкие возможности для всех стран-членов и особенно тех, чьи экономики относительно слабо интегрированы в мировую торговлю. Риски успешной реализации соглашения ВРЭП, однако, связаны с тем, что его участники могут оказаться в вассальной зависимости от Китая, экономический рост которого определяется стратегией, ориентированной на развитие экспорта. Китай решительно выступил против решений, принятых на саммите Группы 20 в Сеуле (2010 г.), о пересмотре торговой политики странами, торговые излишки которых превышают 4% ВВП [14, с. 33]. Торговые партнеры КНР, как развитые, так и развивающиеся страны, оказываются в существенной экономической зависимости от Поднебесной, как это наглядно демонстрирует пример США. В долгосрочной перспективе такая зависимость может иметь глубокие негативные социальные последствия в соответствующих странах, что может

выражаться в снижении собственного производства, растущей безработице и дефиците бюджета. При этом, в отличие от США, другие страны не имеют возможности покрывать дефицит торговли с КНР за счет эмиссии мировой валюты.

Выход из данной ситуации видится в создании регионального расчетного механизма, который бы позволил возложить ответственность за региональные дисбалансы как на кредиторов (страны с устойчивым положительным торговым балансом), так и на заемщиков (страны с негативным торговым балансом). Прототипом такого механизма могло бы послужить сотрудничество в рамках Совета экономической взаимопомощи (1964–1991 гг.), когда торговое взаимодействие между его членами осуществлялось посредством системы многостороннего клиринга с использованием наднациональной расчетной единицы — переводного рубля [15, 16].

ПРОТИВОБОРСТВО КИТАЯ И США

Итак, ВРЭП — это попытка перехода от однополярной к полицентричной модели мирового порядка, в которой нынешнее лидерство США оспаривается группой стран во главе с Китаем. Проблема заключается в том, что США являются крупнейшим торговым партнером КНР. Объем двухсторонней торговли товарами и услугами в 2017 г. составил почти 700 млрд долл., при этом дефицит торгового баланса США с Китаем достиг рекордных 375 млрд долл., что составляет более

половины совокупного американского торгового дефицита (рис. 3). Такой итог является результатом использования Китаем своего статуса страны с развивающейся экономикой, проведения успешной промышленной и меркантилистской политики, а также передачи США Китаю современных технологий в ущерб американским интересам.

Следует признать, что США совершили ошибку, поддержав вступление Китая в ВТО в надежде, что Поднебесная будет придерживаться открытого рыночного режима торговли. В то время как китайское руководство публично декларирует свою приверженность свободе торговли и воздержанию от протекционистских мер, на практике проводится достаточно эффективная промышленная политика. Так, несмотря на взятые обязательства в рамках ВТО, Китай оказывает поддержку и субсидирует такие стратегически важные отрасли, как энергетика, телекоммуникации, гражданская авиация, перевозки, машины и оборудование, автотехника, черная и цветная металлургия, строительство и информационные технологии. КНР активно использует различные государственные средства поддержки бизнеса, включая налоговые льготы, льготные кредиты, гранты, субсидии на электроэнергию, импортные тарифы, передачу активов по заниженной стоимости и ограничения иностранных инвестиций. Кроме того, существуют различные формальные и неформальные правовые и нормативные тактические приемы, ограничивающие иностранную конкуренцию. Например, производители электромобилей в Китае должны использовать китайские батареи.

Результаты такой политики очевидны. Например, если в 2000 г. на Китай приходилось 16% мирового производства стали, то после предоставления субсидий в размере 30 млрд долл. к 2017 г. эта доля возросла до 50%, что привело к снижению экспортных цен на сталь на 25%. Аналогичным образом за последнее десятилетие субсидирование китайских производителей солнечных панелей привело к десятикратному увеличению их производства и снижению мировых цен на 75%.

Наряду с занятием ведущих позиций в четвертом и пятом технологическом укладах китайское руководство определило для себя приоритетом лидерство в четвертой промышленной революции. В 2013 г. Государственный комитет КНР принял план «Сделано в Китае 2025», который нацелен на десять стратегических технологий, включая полупроводники, ИТ нового поколения, робототехнику / умное производство, автономные транспортные средства, новые материалы, аэрокосмическую,

биотехнологическую и передовую железнодорожную технику. Согласно этому плану к 2025 г. Китай стремится обеспечить 70% удовлетворения спроса на эти приоритетные технологии за счет местного производства, а к 2030 г. занять доминирующие позиции в мире в сфере искусственного интеллекта.

Для достижения этих целей Китай задействует все возможные средства, включая киберхищения, нарушение прав интеллектуальной собственности, принуждение американских компаний к передаче технологий как условия доступа на рынок, создание совместных предприятий и ограничение права собственности иностранных инвесторов до 49%, использование непрозрачных регулирующих правовых мер и других неформальных барьеров, чрезмерные адресные субсидии для китайских фирм.

Однако активные попытки приобретения китайскими инвесторами американских технических и телекоммуникационных компаний наталкиваются на меры протекционизма в США с целью ограничить их доступ на внутренний рынок. В марте 2017 г. Казначейство США наложило штраф на китайскую компанию ZTE на сумму 1,19 млрд долл., которая продавала телекоммуникационное оборудование в находящиеся под американскими санкциями Иран и Северную Корею. Министерство торговли США запретило ZTE покупать в США чипы и другие высокотехнологичные компоненты сроком на семь лет. Поскольку ZTE покупает 60% своих чипов и компонентов у американских фирм, эти шаги поставили компанию на грань банкротства. На основании угроз национальной безопасности с 2016 г. правительство США неоднократно блокировало попытки Китая приобретения американских фирм, в частности компании Xcerra, по производству микрочипов. Аналогичным образом была заблокирована попытка приобретения китайским технологическим гигантом Alibaba американской фирмы электронных платежей [17, р. 7–9]. Ужесточение взаимных протекционистских мер вносит все больший разлад в американо-китайские отношения, подталкивая обе стороны к формированию противоборствующих торговых блоков в АТР.

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КИТАЯ

Итак, Китай решительно выступает против доминирования США в АТР, предлагая конкурирующую модель развития в рамках проекта ВРЭП и инициативы «Один пояс — один путь» [18]. Несмотря на очевидные геополитические проблемы их реализации, включение в данные проекты таких меж-

правительственных институтов, как БРИКС, ШОС и ЕАЭС, повысило бы перспективы лидерства Китая в азиатском регионе. В данной связи важным фактором успешной реализации китайских инициатив является налаживание долгосрочных взаимовыгодных и доверительных отношений с Россией.

Укреплению восточноазиатского вектора внешней политики России способствует ухудшение российско-американских отношений, главным образом в результате украинского кризиса. Россия заинтересована в активизации инвестиционного и технологического сотрудничества со странами Северо-Восточной Азии, прежде всего, в нефтегазовых проектах в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. При этом западные санкции потенциально ослабляют торгово-экономические отношения России с лояльными к США Японией и Республикой Корея. Поэтому главные надежды в восточной политике РФ возлагаются на КНР.

В настоящее время Россия работает с Китаем по формуле «сырье в обмен на технологии» в стремлении использовать инвестиционный потенциал Поднебесной для развития Сибири и Дальнего Востока. Китай активно вовлечен в разработку сибирских нефтяных ресурсов. В последнее время изменилось отношение Москвы к более активному участию китайского капитала в нефтегазовых месторождениях. В 2015 г. Фонд «Шелковый путь» купил 10% акций проекта «Ямал СПГ», принадлежащего Novatec, а Sinopec купила около 10% акций крупнейшей нефтехимической компании в России «Сибур» [19, р. 26–29]. Ведущим проектом РФ по поставкам нефти в Китай является нефтепровод «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО). В 2017 г. через ВСТО в КНР было отправлено 16,5 млн тонн нефти. В 2018 г. планируется транспортировать 28,3 млн тонн, а с 2019 г. увеличить объемы транспортировки до 30 млн тонн³.

В 2017 г. темпы прироста потребления газа в Китае составили 15%. Одним из самых значимых проектов российско-китайского сотрудничества является договор, заключенный в 2014 г. между «Газпромом» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (CNPC) сроком на 30 лет о поставках в КНР 38 млрд куб. м газа в год через трубопровод «Сила Сибири», начало эксплуатации которого намечено на декабрь 2019 г. В 2017 г.

между «Газпромом» и CNPC было дополнительно подписано Соглашение об основных условиях поставок природного газа с Дальнего Востока России в Китай.

АТР является ключевым рынком для России также в сегменте СПГ. В 2005–2017 гг. на этот регион приходилось более 75% поставок СПГ Группы «Газпром». В 2015 г. «Газпром» заключил долгосрочный контракт на поставки СПГ в Индию в объеме до 2,9 млн тонн в год с проекта «Ямал СПГ». В перспективе «Газпром» планирует увеличить объемы реализации СПГ на рынки АТР за счет строительства третьей технологической линии СПГ завода проекта «Сахалин-2»⁴.

К рискам российско-китайского сотрудничества в нефтегазовой сфере следует отнести падение мировых цен на энергоносители в результате сланцевой революции и, как следствие, превращение США из импортера в экспортера углеводородов. Кроме того, Китай занимает первое место в мире по запасам сланцевого газа, которые составляют 20% от мировых [20, с. 370–372].

Помимо торгово-инвестиционного сотрудничества к общим российско-китайским интересам, возможно отнести: стремление к уходу от однополярного и переходу к многополярному миру; стремление сохранить систему международного права, основанную на суверенитете государств, ядром которой выступает ООН и ее Совет Безопасности; общность позиций по большинству глобальных и региональных конфликтов (Корея, Иран, Ливия, Сирия, Афганистан, Косово); заинтересованность в реформировании международной финансовой системы; сотрудничество между приграничными регионами и в Центральной Азии, прежде всего в рамках ШОС; неприятие «универсальных» ценностей, навязываемых Западом остальному миру [20, с. 102].

Наряду с совпадением интересов существует ряд вопросов, по которым взгляды Пекина и Москвы расходятся. Китай занимает негативную позицию по участию в соглашениях по сокращению ядерных вооружений, отрицательно относится к объединению Северной и Южной Кореи и не поддерживает признание Россией суверенитета Абхазии и Южной Осетии. Китай конкурирует с Россией за привлечение иностранных инвестиций и рассматривает Россию, прежде всего, как

³ Сайт Комсомольской правды. «Поворот» нефтяных рек состоялся: «Транснефть» вывела трубопровод «Восточная Сибирь — Тихий океан» на полную мощность. 13 февраля 2018. URL: <https://www.kp.ru/daily/26793/3828412/> (дата обращения: 29.08.2018)

⁴ Сайт Газпрома. «Газпром» на Востоке России, выход на рынки стран АТР. Пресс-конференция 15 июня 2018 г. URL: <http://www.gazprom.ru/press/news/conference/2018/asia-pacific/> (дата обращения: 29.08.2018).

поставщика сырья и рынок для сбыта своей продукции. В свою очередь, главный интерес России во взаимодействии с Китаем сводится к импорту китайской рабочей силы, капитала и технологий. Следовательно, обе стороны выстраивают отношения на исключительно прагматической основе. В результате в российско-китайском торгово-экономическом сотрудничестве остается нерешенным множество проблем: неблагоприятный инвестиционный климат, неразвитость инфраструктуры, особенно в азиатской части России, системная коррумпированность каналов взаимной торговли, низкое качество продукции российского машиностроения, значительный российский торговый дефицит (9 млрд долл. в 2017 г.), плохое знание деловой культуры обеих стран, недостаток взаимного доверия и взаимопонимания. Без комплексного подхода к решению этих и других проблем вероятность усиления зависимости России от китайского рынка может возрасти [20, с. 448–453].

ВЫВОДЫ

Мировая экономическая и финансовая системы переживают фазу необратимых трансформаций, связанных с формированием под эгидой Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе неодирижистской социально ориентированной экономической системы. Важным этапом на пути создания полицентричной модели нового мирового порядка выступает торговое соглашение ВРЭП, которое рассматривается как средство изоли-

рования азиатской экономики от рыночной неопределенности в условиях падения совокупного спроса в хрупкой и нестабильной глобальной экономике.

Чтобы занять достойное место в этом новом миропорядке России необходимо выстраивать отношения с КНР таким образом, чтобы максимально способствовать глобальному продвижению китайских инициатив, не становясь при этом сырьевым придатком и не оказываясь в вассальной зависимости от своего восточного соседа. Для этого необходимо продолжать взаимную экономическую интеграцию экономик двух стран; совместно с Китаем участвовать в разработке Сибири и Дальнего Востока, сохраняя контроль над процессами хозяйствования в этих регионах; выработать согласованную повестку дня по наиболее важным вопросам регионального и глобального развития, невзирая на стремление Китая определять собственную позицию по всем международным вопросам, оставаясь при этом не связанным обязательствами стратегического партнерства с другими крупными державами и блоками стран; диверсифицированно выстраивать отношения с другими наиболее значимыми государствами АТР, в первую очередь Японией, Индией, Вьетнамом, Республикой Корея, Таиландом, Малайзией, Индонезией, Турцией и Ираном. России также необходимо извлечь конструктивный опыт из успехов проведения Китаем промышленной политики.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена при финансовой поддержке Правительства Российской Федерации, по государственному заданию «Экономические интересы России при формировании интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) с участием Китая».

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared with financial support from the Government of the Russian Federation, in the framework of state task “Russia’s Economic Interests in Implementing Integration Processes in the Asia-Pacific Region with the Participation of China”.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Канаев Е.А., Родосская М. АСЕАН как «движущая сила» ВРЭП: японский фактор. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2016;(33):10–27.
2. Кузнецов А.В. Прямые иностранные инвестиции стран Восточной Азии: Китай, Япония, Республика Корея, Монголия. М.: Кнорус; 2018. 210 с.
3. Li C., Whalley J. How close is Asia already to being a trade bloc? *Journal of Comparative Economics*. 2017;45(4):847–864. DOI: 10.1016/j.jce.2016.08.001
4. Li C., Wang J., Whalley J. Impact of mega trade deals on China: A computational general equilibrium analysis. *Economic Modelling*. 2016;57:13–25. DOI: 10.1016/j.econmod.2016.03.027
5. Кадочников П.А., Пономарева О.В. Формирование Всеобъемлющего регионального экономического партнерства: перспективы и последствия. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2014;(10):3–9.

6. Севастьянов С. Интеграционные проекты Китая в АТР и Евразии. *Мировая экономика и международные отношения*. 2016;60(4):5–12.
7. Пак С.-Ч. Может ли торговля способствовать преодолению экономического кризиса? Опыт Республики Корея, Китая и Японии по формированию региональных соглашений о свободной торговле (ССТ), мега-ССТ (Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) и Транс-Тихоокеанском партнерстве (ТТП)). *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2017;12(2):104–128. DOI: 10.17323/1996–7845–2017–02–104
8. Саламатов В. Мегарегиональные торговые соглашения. *Мировая экономика и международные отношения*. 2016;60(9):17–27. DOI: 10.20542/0131–2227–2016–60–9–17–27
9. Wethington O., Manning R.A. Shaping the Asia-Pacific future: Strengthening the institutional architecture for an open, rules-based economic order. Washington, DC: The Atlantic Council; 2015. 40 p.
10. Звонова Е.А., Кузнецов А.В. Трансатлантическое партнерство и безопасность России. *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2016;(3):19–34.
11. Petri P.A., Plummer M.G., Urata S., Zhai F. Going it alone in the Asia-Pacific: Regional trade agreements without the United States. Peterson Institute for International Economics. Working Paper. 2017(17–10). URL: <https://piie.com/system/files/documents/wp17–10.pdf> (дата обращения: 27.11.2018).
12. Lee H., Itakura K. The welfare and sectoral adjustment effects of mega-regional trade agreements on ASEAN countries. *Journal of Asian Economics*. 2018;55:20–32. DOI: 10.1016/j.asieco.2017.09.001
13. Li Q., Scollay R., Gilbert J. Analyzing the effects of the Regional Comprehensive Economic Partnership on FDI in a CGE framework with firm heterogeneity. *Economic Modelling*. 2017;67:409–420. DOI: 10.1016/j.econmod.2017.07.016
14. Гишар Ж.-П. Китайская «партия-государство» и мультинациональные фирмы. Пер. с франц. М.: Новый хронограф; 2017. 216 с.
15. Звонова Е.А., Кузнецов А.В. Сценарии развития мировой валютно-финансовой системы: возможности и риски для России. *Мировая экономика и международные отношения*. 2018;62(2):5–16. DOI: 10.20542/0131–2227–2018–62–2–5–16
16. Кузнецов А.В. Наднациональное валютное регулирование: теоретические и практические подходы. *Финансы и кредит*. 2018;24(1):191–208. DOI: 10.24891/fc.24.1.191
17. Manning R.A. The China challenge to an inclusive Asia-Pacific regional trade architecture. Washington, DC: The Atlantic Council; 2018. 24 p. URL: http://www.atlanticcouncil.org/images/publications/The_China_Challenge_WEB.pdf (дата обращения: 27.11.2018).
18. Юйцай Ц., Гупин Ч., Вэйдун Л. Один пояс и один путь: комментарии. Пер. с кит. М.: Шанс; 2017. 279 с.
19. Sevastianov S. Russo-China political, economic and security relations: A view from Vladivostok. In: Dynamics of new regional order in Northeast Asia: Perspectives from Seoul and Vladivostok. Collection of scientific articles. Vladivostok: Far Eastern Federal University; 2016:26–36.
20. Лукин А.В. Возвышающийся Китай и будущее России (Работы о Китае и российско-китайских отношениях). М.: Международные отношения; 2018. 792 с.

REFERENCES

1. Kanaev E.A., Rodoskaya M. ASEAN as the “driving force” of RCEP: The Japanese factor. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*. 2016;(33):10–27. (In Russ.).
2. Kuznetsov A.V. Foreign direct investment in East Asia: China, Japan, Republic of Korea, Mongolia. Moscow: Knorus; 2018. 210 p. (In Russ.).
3. Li C., Whalley J. How close is Asia already to being a trade bloc? *Journal of Comparative Economics*. 2017;45(4):847–864. DOI: 10.1016/j.jce.2016.08.001
4. Li C., Wang J., Whalley J. Impact of mega trade deals on China: A computational general equilibrium analysis. *Economic Modelling*. 2016;57:13–25. DOI: 10.1016/j.econmod.2016.03.027
5. Kadochnikov P.A., Ponomareva O.V. Formation of Regional Comprehensive Economic Partnership: Prospects and consequences. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Journal*. 2014;(10):3–9. (In Russ.).
6. Sevast'yanov S. China's integration projects in the Asia-Pacific and Eurasia. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*. 2016;60(4):5–12. (In Russ.).

7. Park S.-C. Can trade help overcome economic crisis? Implications for Northeast Asia creating a regional FTA between Korea, China and Japan and mega FTAs such as RCEP and TPP. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika = International Organizations Research Journal*. 2017;12(2):104–128. DOI: 10.17323/1996–7845–2017–02–104
8. Salamatov V. Mega-regional trade agreements. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*. 2016;60(9):17–27. DOI: 10.20542/0131–2227–2016–60–9–17–27 (In Russ.).
9. Wethington O., Manning R.A. Shaping the Asia-Pacific Future: strengthening the institutional architecture for an open, rules-based economic order. Washington: The Atlantic Council, 2015. 40 p.
10. Zvonova E.A., Kuznetsov A.V. Transatlantic partnership and Russia's security. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura = USA and Canada: Economics, Politics, Culture*. 2016;(3):19–34. (In Russ.).
11. Petri P.A., Plummer M.G., Urata S., Zhai F. Going it alone in the Asia-Pacific: Regional trade agreements without the United States. Peterson Institute for International Economics. Working Paper. 2017(17–10). URL: <https://piie.com/system/files/documents/wp17–10.pdf> (accessed 27.11.2018).
12. Lee H., Itakura K. The welfare and sectoral adjustment effects of mega-regional trade agreements on ASEAN countries. *Journal of Asian Economics*. 2018;55:20–32. DOI: 10.1016/j.asieco.2017.09.001
13. Li Q., Scollay R., Gilbert J. Analyzing the effects of the Regional Comprehensive Economic Partnership on FDI in a CGE framework with firm heterogeneity. *Economic Modelling*. 2017;67:409–420. DOI: 10.1016/j.econmod.2017.07.016
14. Guichard J.-P. L'Etat-parti chinois et les multinationales: L'inquiétante alliance. Transl. from French. Moscow: Novyi khronograf; 2017. 216 p. (In Russ.).
15. Zvonova E.A., Kuznetsov A.V. Scenarios for the development of the world monetary and financial system: Opportunities and risks for Russia. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*. 2018;62(2):5–16. (In Russ.). DOI:10.20542/0131–2227–2018–62–2–5–16
16. Kuznetsov A.V. Supranational currency regulation: Theoretical and practical approaches. *Finansy i kredit = Finance and Credit*. 2018;24(1):191–208. (In Russ.). DOI: 10.24891/fc.24.1.191
17. Manning R.A. The China challenge to an inclusive Asia-Pacific regional trade architecture. Washington, DC: The Atlantic Council; 2018. 24 p. URL: http://www.atlanticcouncil.org/images/publications/The_China_Challenge_WEB.pdf (accessed 27.11.2018).
18. Yuitsai Ts., Gupin Ch., Veidun L. One belt and one road: Comments. Transl. from Chinese. Moscow: Shans; 2017. 279 p. (In Russ.).
19. Sevastianov S. Russo-China political, economic and security relations: A view from Vladivostok. In: Dynamics of new regional order in Northeast Asia: Perspectives from Seoul and Vladivostok. Collection of scientific articles. Vladivostok: Far Eastern Federal University; 2016:26–36.
20. Lukin A.V. The rising China and the future of Russia (Works on China and Russian-Chinese relations). Moscow: International Relations; 2018. 792 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексей Владимирович Кузнецов — доктор экономических наук, старший научный сотрудник, профессор Департамента мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет, Москва, Россия kuznetsov0572@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Aleksei V. Kuznetsov — Dr. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Department of World Economy and World Finance, Financial University, Moscow, Russia kuznetsov0572@mail.ru

Статья поступила 29.08.2018; принята к публикации 16.11.2018.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 29.08.2018; accepted for publication 16.11.2018.

The author read and approved the final version of the manuscript.